

© 2011 г.

Академик В.С. МЯСНИКОВ

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: УЗЛЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ (РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ КНИГИ А.А. КОШКИНА)

Изучение российско-японских отношений достаточно давно ведется в отечественном и зарубежном востоковедении. Опубликованы источниковедческие труды и монографии известных ученых, в которых детально рассмотрен весь исторический процесс познания народами двух стран друг друга¹. Новая книга одного из ведущих специалистов по современной Японии д.и.н., профессора А.А. Кошкина “Россия и Япония: узлы противоречий”² отличается от предыдущих публикаций по этой проблематике тем, что в ней основной акцент сделан на тех событиях, которые осложняют сегодняшние отношения двух держав. Автор назвал их узлами противоречий.

В монографии детально анализируются исторические факты и связанные с ними документы, как русской, так и японской стороны³. Некоторые из них японская историография и политология интерпретируют как доказательства “прав” Страны Восходящего Солнца на российскую территорию. Причем сильной стороной исследования является прекрасное владение автором именно документами и литературой на японском языке.

Работа А.А. Кошкина, которая строится на анализе российских и японских аргументов, вышла в свет, когда взаимоотношения Японии с нашей страной в конце 2010 г.

Мясников Владимир Степанович – действительный член Российской академии наук, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН.

Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-01-00483а.

¹ *Lenson D.A.* The Russian Rush toward Japan. Russo-Japanese Relations. 1697–1875. Princeton, 1959; *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960 (см. рец.: *Мясников В.С.* Россия и Япония: три века отношений. – В кн. *Мясников В.С.* Квадратура китайского круга. Избранные статьи, кн. 2. М., 2006, с. 252–255); *Stephan John J.* Sakhalin: A History. Oxford, 1971; *idem.* The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific. Oxford, 1974; Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979; *Rees D.* The Soviet Seizure of the Kuriles. New York, 1985; *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М., 1988; *Тихвинский С.Л.* Россия – Япония: обречены на добрососедство (воспоминания дипломата и заметки историка). М., 1996.

² *Кошкин А.А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М.: “Вече”, 2010, 475 с.

³ Кроме документов, приводимых в тексте, в книге есть специальный раздел “Документы и материалы” (с. 411–476), занимающий примерно одну шестую всего объема монографии.

в очередной раз осложнились. Каково происхождение сегодняшних сложностей и в чем их сущность? У каждого явления в международных отношениях есть внешняя сторона и внутреннее содержание. Сначала остановимся на внешней стороне.

Хроника событий второй половины 2010 г. была такова: 23 июля Президент РФ Д.А. Медведев подписал принятый Государственной думой и одобренный Советом Федерации Федеральный закон о внесении изменений в пункт первый статьи первой Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”. В результате 2 сентября – день, когда Япония в 1945 г. подписала акт о безоговорочной капитуляции – был объявлен памятным для нашей страны – Днем окончания Второй мировой войны. Таким образом, в год 65-летия Победы Россия впервые с 1948 г. отмечала окончание Второй мировой войны вместе с остальным миром⁴.

26 сентября Президент РФ Д.А. Медведев в рамках государственного визита в Китай посетил отреставрированный мемориал русских и советских воинов в Порт-Артуре⁵ и официально открыл его. Во время встречи Президента с группой российских и китайских ветеранов Д.А. Медведев подчеркнул, что очень важно не допускать искажения истории: “Мы должны совместно заботиться о памяти будущих поколений, не допуская какого-либо искажения исторических событий. Мы должны отстаивать правду о событиях той войны, тем более что есть силы, которые пытаются изменить эту историческую правду”⁶.

После государственного визита в Китай Д.А. Медведев планировал посетить Дальневосточный регион России, в частности о. Сахалин и Курильские острова. 27 сентября о предстоящей поездке российского лидера появилось сообщение в СМИ.

Японское правительство отреагировало на это сообщение в духе “холодной войны”⁷. Премьер Японии Наото Кан в тот же день, когда о планах Д.А. Медведева сообщили СМИ, подчеркнул на пресс-конференции, что позиция Токио в отношении Курильских островов “осталась неизменной”. Тогдашний глава МИД Японии Сэйдзи Маэхара 29 сентября отметил, что “поездка Дмитрия Медведева на наши северные территории (выделено мной. – В.М.) может прямым образом повлиять на отношения двух стран”, а пресс-секретарь японского правительства Ёсита Сэнгоку заявил, что Япония просила Президента России отказаться от визита на острова. По словам этого японского официала, “Токио донес до российской стороны свою точку зрения”.

⁴ В настоящее время остается открытым вопрос о начале Второй мировой войны. “Китайская историография давно утверждает, что пора уже отойти от европоцентризма (который, по существу, подобен негритуду) в оценке этого события и признать, что начало этой войны падает на 7 июля 1937 г. и связано с агрессией Японии против Китая”. (Мясников В.С. Вторая мировая война: трагедия от пролога на Дальнем Востоке до эпилога на Дальнем Востоке). – В кн.: Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М., 2010, с. 79.

⁵ В Порт-Артуре (кит. – Люйшунью) одна из центральных площадей обрамлена зданиями типичной японской архитектуры. Здесь находилась штаб-квартира Квантунской армии. В 1950-е годы к 10-летию Победы на этой площади была воздвигнута высокая колонна – великолепно оформленный монумент китайско-советской дружбы. “Почему именно на этом месте?” – спросил я. “Потому что, – объяснил мне китайский сопровождающий, – это символ. У нас на Востоке много символов, которые вы не понимаете. Мы вместе с вами разгромили японцев. И этот столб их позора, он их как бы придавил. Китайцы и корейцы это сразу понимают, а когда здесь бывают японцы, то их просто корчит”.

⁶ Порт-Артур и другие воинские мемориалы за рубежом как инструмент международной репутации России. М., 2011, с. 55.

⁷ Первым проблему окончания “холодной войны” поставил академик А.О. Чубарьян. В послесловии к сборнику статей “Холодная война 1945 – 1963 гг. Историческая ретроспектива” (М., 2003) он, подводя итоги изучения всего комплекса проблем, отметил: «Наконец, в поле зрения исследователей все в большей мере находится проблема окончания “холодной войны”. Уже прошли международные конференции, началась публикация документов. Но эта работа находится еще в самом начале» (с. 631).

В сентябре сильный тайфун помешал Президенту России совершить полет на Курилы, но он посетил Кунашир 1 ноября 2010 г. Как подчеркивалось в комментарии МИД РФ по поводу негодования японских властей: “Это наша земля, и российский Президент посещал российскую землю, российскую территорию, российский регион”. В последующие месяцы на Курилах побывали такие высокопоставленные представители правительства, как И.И. Шувалов, В.Ф. Басаргин, А.Э. Сердюков.

7 февраля 2011 г. в Японии отмечался очередной, на сей раз юбилейный⁸, “день северных территорий”. Прозвучавшие в этот день рекордно жесткие слова премьера Наото Кана о “непозволительной грубости” Д.А. Медведева способны, как считают эксперты, укрепить “те силы в Москве, которые считают необходимым завершить поиск золотой середины и навсегда закрыть тематику принадлежности Курильских островов в общении с Токио”⁹. В мае 2011 г. на Курилах вновь побывала российская правительственная делегация, в связи с чем 15 мая японское правительство выразило протест.

Каково же внутреннее содержание такой реакции Токио? Как дух “холодной войны” связан с “духом Ямато”? (Ямато – племенной союз в Японии в III – IV вв., на основе которого зародилось японское государство. Выражение “дух Ямато” эквивалентно термину “национальный дух”. – *В.М.*).

На эти вопросы и отвечает монография А.А. Кошкина, в которой исследуются противоречия между Японией и Россией. Сам термин “противоречие” в лингвистическом смысле означает положение, при котором что-либо одно исключает другое, несовместимое. Но есть и его философское толкование: диалектическое отношение между противоположными (т.е. взаимосвязанными и в то же время существенно различающимися, взаимно исключаящимися) сторонами, свойствами предмета, внутренне присущее явлениям природы и общества как источник развития объективного мира и познания. “Противоречие, – писал Гегель, – ... есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно”. Можно ли завязать противоречия в узлы? Об этом даже Гегель ничего не смог сказать, потому что русский язык не был ему знаком. Таким образом, примененный автором термин отнюдь не означает несовместимости взаимных отношений двух стран, а наоборот утверждает, что в них есть внутренний заряд развития. Если развитию мешает узел, то его следует либо развязать общими усилиями, либо разрубить героическим усилием одной из сторон.

Судя по содержанию работы, первым “узлом противоречий” выступает различная интерпретация российской и японской историографией этапов освоения русскими Курильских островов и Сахалина и фактов пребывания там японцев в XVII – первой половине XIX в. Экспедиция И. Козыревского (1713) открыла русским всю гряду Курильских островов, нанесла ее на карту и подошла к берегам Японии. Картографы И. Евреинов и Ф. Лужин в 1721 г. представили Петру I “Отчет” об экспедиции на Курилы и карту архипелага. “В Отчете содержалось важное сообщение, что на Курилах японцев не было”, – подчеркивает А.А. Кошкин (с. 14). Первыми вступили в контакт с японцами у острова Хонсю участники экспедиции М. Шпанберга (1738–1739). При этом они отметили, что “под власть японского хана только один Матмай (Хоккай-до. – *В.М.*) остров, а прочие острова¹⁰ неподвластны” (с. 15).

Рассматривая японскую историографию, А.А. Кошкин отмечает такой важный факт, как отсутствие в XVIII в. японского суверенитета над северной частью Хок-

⁸ В январе 1981 г. для того, чтобы усилить свои претензии к СССР, кабинет премьер-министра Дзэнко Судзуки принял решение ежегодно 7 февраля отмечать “День северных территорий”, так как это – дата подписания Симодского договора 1855 г.

⁹ *Тавровский Ю.В.* Проблема северных территорий – ящик Пандоры. – http://www.ng.ru/politics/2011-02-09/3_kartblansh.html

¹⁰ Т.е. Курильские острова, поясняет А.А. Кошкин.

кайдо¹¹. Об этом свидетельствует исходивший от главы центрального японского правительства Мацудайра документ, датированный октябрём 1792 г. и гласивший, что “район Нэмуру не является японской землей” (с. 23). В монографии подчеркивается, что русское правительство было обеспокоено не столько возможным противодействием Японии утверждению России на Курилах и Сахалине, сколько активностью американского, британского и французского флотов в этом регионе.

Следует добавить, что существовало препятствие, которое в течение более полутора столетий не давало русским возможности осваивать тихоокеанское побережье и прилегающие острова, а также развивать отношения с Японией и Кореей. Этим препятствием были условия Нерчинского договора 1689 г. с империей Цин. Русское государство, отступив из Приамурья, оказалось отрезанным от главной широтной магистрали – Амура. Так был потерян наиболее удобный выход в Охотское и Японское моря. Поэтому русское правительство в течение всего XVIII в. прилагало постоянные усилия, чтобы добиться от Пекина права на плавание по великой дальневосточной реке¹². При этом оно было заинтересовано в установлении торговых отношений с Японией. Итальянец на русской службе Н.П. Крисниц, побывавший в Пекине в составе посольства Л.В. Измайлова, в своей реляции в Коммерц-коллегию, подготовленной 25 апреля 1722 г., дал вполне реальное описание Японии и торговли с ней китайцев и голландцев¹³.

Следующий “узел противоречий” возник в начале XIX в., когда японское правительство отказалось принять посла Н.П. Резанова – государственного деятеля, одного из основателей Российско-Американской компании, почетного члена Петербургской Академии наук. Н.П. Резанов был инициатором первой русской кругосветной экспедиции 1803–1806 гг., на кораблях которой он и прибыл в Нагасаки. В ответ на предложение установить добрососедские отношения и торговые связи ему был зачитан указ сёгуна Изнари, заключительные слова которого звучали как приказ: “Не тратьте напрасно усилий и расходов, приходя с этим вновь... Отплывайте немедленно!” (с. 37). А.А. Кошкин назвал этот раздел книги “От ворот поворот” (с. 33).

Заметим, что этот прискорбный инцидент с Н.П. Резановым не был единственной неудачей русской дипломатии в указанный период в этом регионе. Дело в том, что миссия Н.П. Резанова¹⁴ была лишь частью обширного плана укрепления позиций России в Восточной Азии путем установления торгово-экономических связей от Аляски через Японию и Китай до столицы Дурранийской державы – Кабула. Этот план был предложен министром коммерции Н.П. Румянцевым в феврале – марте 1803 г.¹⁵ императору Александру I. Его главной составляющей была миссия в Китай, которую возглавил граф Ю.А. Головкин в ранге чрезвычайного и полномочного посла¹⁶. Одним из пун-

¹¹ Интересные материалы о планах японского правительства по освоению о. Хоккайдо, а также о проходивших в Японии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. дискуссиях о морской обороне страны приводятся в статье В.В. Щепкина: *Щепкин В.В. Дискуссия японских мыслителей XVIII – XIX вв. о морской обороне.* – Страны и народы Востока, вып. XXXIII. М., 2010, с. 147 – 175.

¹² См.: *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. Хабаровск, 1997, с. 247–287. Предложение об установлении судоходства и связей с Китаем и Японией через Амурское устье было сделано Петру I казанским губернатором П.С. Салтыковым еще в 1713 г. См.: *Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.* Сб. документов. М., 1984, с. 21–22.

¹³ *Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725.* М., 1978, с. 329–330.

¹⁴ Новые сведения о планах Н.П. Резанова по изучению и освоению Курил и Сахалина сообщает О.В. Климова: *Климова О.В.* Первая экспедиция Н.А. Хвостова на Сахалин в 1806 г. (по российским и японским источникам). – Страны и народы Востока, вып. XXXIII, с. 176–189.

¹⁵ *Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы. Т. 1. 1803–1807.* М., 1995, док. № 3, с. 43–45.

¹⁶ Там же, док. № 64, с. 103–104.

тков переговоров русского посла в китайской столице был вопрос об открытии плавания русских судов по Амуру. Но это посольство не смогло преодолеть препятствия, чинившиеся цинскими властями, и проехать далее Урги. Миссия окончилась полным провалом. Одновременно с планировавшимся прибытием Ю.А. Головкина в Пекин корабли первой кругосветной экспедиции должны были зайти в Гуанчжоу (Кантон), чтобы попытаться получить право на торговлю в этом портовом городе. Этот визит состоялся, но цинское правительство ответило отказом на попытку России установить с Китаем морскую торговлю и даже попыталось арестовать русские корабли¹⁷.

Кстати, находясь близ русско-китайской границы, Ю.А. Головкин к 11 апреля 1806 г. подготовил “Проект создания экспедиции для описания Камчатки и Курильских островов”. Уже направляясь в Петербург, он до июня того же года занимался экспедицией на Курилы¹⁸.

Наиболее крепким “узлом противоречий”, доставшимся обеим сторонам от XIX столетия, служит Симодский трактат 26 января (7 февраля) 1855 г. Он был подписан крупным русским военачальником и дипломатом Е.В. Путятиным. В Петербурге решили направить к японским берегам именно Е.В. Путятину потому, что он имел опыт морских экспедиций, так как в 1822–1825 гг. совершил кругосветное плавание к берегам Северной Америки под командой М.П. Лазарева. Он преуспел и в сражениях у черноморского побережья, будучи командиром фрегата. Но и в дипломатии он не был новичком, так как в 1842 г. успешно провел переговоры с персидским шахом. По его указанию была учреждена военная станция в Астрабадском заливе Каспия, он добился расширения русской торговли на Каспийском море и в самой Персии, принял меры по разграничению морского бассейна и настоял на открытии пароходного сообщения между устьем Волги, Кавказом и персидским побережьем. Примерно такие же задачи возлагались и на его миссию в Японию, с той только разницей, что там надо было сначала установить дипломатические отношения.

Но миссия в Японию стала, пожалуй, самой трудной и драматичной в истории русской дипломатии того периода. С одной стороны, были существенные успехи в освоении Россией тихоокеанского побережья. Г.И. Невельской в 1848–1849 и в 1850–1855 гг. исследовал Сахалин и доказал, что он является островом. Ему же принадлежала и честь открытия Татарского пролива и выхода из Амура в океан. С другой стороны, в первые десятилетия XIX в. японские власти взяли курс на вытеснение русских с Сахалина и Курил вооруженным путем, исходя из того, что “атака является лучшим средством обороны” (с. 44). Действительно, “всегда атакуй” это одна из заповедей главной японской религии – синтоизма.

Не успел фрегат “Паллада” покинуть Петербург, как началась Крымская война. Она распространилась и на северную часть Тихого океана. В дни, когда русско-японские переговоры вступили в решающую фазу, пришла весть о Петропавловской обороне 18 – 24 августа 1854 г., в ходе которой генерал-майор В.С. Завойко отразил англо-французский десант, защитив Петропавловск-Камчатский. Однако Севастопольская оборона 1854 – 1855 гг. завершилась 27 августа 1855 г. падением Севастополя. Англо-французская эскадра пыталась уничтожить русские суда в порту Охотска. Но русских спас сильный туман. Охотились “просвещенные европейцы” и за кораблями Путятина. В целом 1855 г. был отмечен дипломатической изоляцией России. Япония же, учитывая поражение Китая в первой опиумной войне и подписание навязанного ему Англией неравноправного Нанкинского договора 1842 г., приняла решение об организации на государственном уровне морской обороны страны, на основе восьми стратегем, предложенных Сакума Сёдзан¹⁹.

¹⁷ История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995, с. 257–258.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 139, оп. 1, д. 175, л. 7–24 (подинник проекта на франц. яз.); д. 176, л. 19, 44–45.

¹⁹ Щеткин В.В. Указ. соч., с. 173.

В монографии А.А. Кошкина наиболее детально и полно (по сравнению с другими работами) излагается ход переговоров Е.В. Путятин в Нагасаки и Симода в 1853 – 1855 гг. Важным фактором для обеих сторон были действия американской военной эскадры, которой командовал адмирал Мэтью Колбрайт Перри. Под угрозой обстрела столицы Эдо (Токио) он вынудил японское правительство подписать в 1854 г. договор, положивший конец политике изоляции Японии и открывавший для американской торговли порты Хакодате и Симода. Интересно приведенное автором моральное осуждение японским писателем американского адмирала (с. 47 – 48). Конечно, кто мог ворваться в японские воды на своих “черных кораблях” и заставить под дулами их пушек подписать договор. Только человек, “гордыня и раболепство” которого соседствовали “словно две стороны одного листа бумаги” (с. 48).

Русский посол действовал исключительно методами дружелюбного убеждения. Кульминацией путятинской драмы были события 11 декабря 1854 г., когда в результате мощного землетрясения и цунами фрегат “Паллада” потерпел крушение. Членам посольства и команде удалось спастись, но они оказались отрезанными на чужом берегу. Японская сторона, не идя на уступки в переговорах, тем не менее, проявила гуманность к потерпевшим бедствие. Японцы помогли построить новый корабль, на котором русские смогли возвратиться на родину. В конце концов, уступки в территориальном размежевании пришлось сделать Путятину. Трактат о торговле, в преамбуле которого говорилось, что он должен “поставить между Россией и Японией мир и дружбу”, определял границу по проливу Фриза. Причем Уруп и другие Курильские острова к северу составляли владение России. Сахалин оставался неразделенным между двумя странами. Порты Симода, Хакодате и Нагасаки открывались для русской торговли.

Японские историки высоко оценивают действия Путятин. Не случайно в 1994 г. в японском городе Фудзи был открыт памятник Е.В. Путятину²⁰. Но и по возвращении в Петербург он был награжден графским достоинством. Вскоре правительство вновь направило его в Восточную Азию в качестве полномочного посла. 1 июня 1858 г. ему удалось подписать Тяньцзиньский трактат с Цинской империей. Этот договор уравнивал Россию с США, Великобританией и Францией в условиях политических взаимоотношений с Китаем. Кроме того, в нем были статьи о торговле и определении границ, изменении регламента и порядка финансирования Русской духовной миссии в столице Поднебесной²¹. В Японии как раз начал править (1858–1866) сёгун Иэмоти Токугава. В августе 1858 г. Путятин и с Японией заключил новый договор о торговле. По нему русские подданные получили право путешествовать внутри страны Восходящего Солнца, а также оговаривалось право русского правительства содержать своего представителя в Эдо (Токио).

Рассматривая отношение японских правящих кругов к России после “Мэйдзи исин” – революции 1867–1868 гг. – А.А. Кошкин отмечает рост националистических, милитаристских настроений среди правящих кругов Японии. Идеи завоевания Кореи, военного похода в Сибирь, заявления о том, что “в военном отношении Россия не представляет собой чего-либо серьезного. С одним батальоном можно дойти до Петербурга” (с. 72), – это были первые ростки японского милитаризма. Конечно, можно вспомнить, что и Тоётоми Хидэёси не только мечтал о завоевании Китая, но и принял попытку сделать это²². Но это была еще другая эпоха.

К последней четверти XIX в. на Дальнем Востоке произошло изменение стратегической ситуации. Император Александр II в 1867 г. “освободил” Россию от Аляски, которая перешла в ведение военного министерства США (до 1884 г.). 25 апреля (7 мая) 1875 г. в Петербурге состоялось заключение нового русско-японского договора. По этому трактату “права на владение всем островом Сахалин получала Россия, а все

²⁰ История Японии с древнейших времен до 1868 года, т.1. М., 1998, с. 614.

²¹ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). Под общей редакцией академика В.С. Мясникова. М., 2004, с. 64–69.

²² Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984.

Курильские острова переходили во владение Японии... Хотя договор 1875 г. нередко называют “обменным”, – подчеркивает автор, – в действительности речь шла не об обмене одной территории на другую, а о сдаче Курил в обмен на формальное признание Японией российских прав на Сахалин, который и так фактически принадлежал России” (с. 75–76). Оба этих дипломатических шага привели к тому, что Россия без войны, а лишь в связи с нехваткой сил и средств на поддержание своего суверенитета на дальних окраинах империи, отступила на тысячи километров от ранее занимаемых рубежей. Посвященный этому периоду российско-японских отношений раздел книги А.А. Кошкина так и назван “Дипломатия отступления”. Как показывают дальнейшие события договор 1875 г. стал новым “узлом противоречий”.

Но не только упомянутые “два шага назад” определили неудачи дальнейшей внешней политики России в Восточной Азии и на Тихом океане. Но и то, что можно назвать “иллюзорной” дипломатией. Вот как звучала, например, инструкция русскому посланнику в Токио М.А. Хитрово: “Ничто, по-видимому, не препятствует нашему сближению с этой страной, так как между нею и нами не существует никакой принципиальной противоположности интересов”. Подозрительность Японии, указывалось в инструкции, вызвана страхами, что Россия хочет захватить Корею, но страхи эти лишены основания²³.

Петербург опасался тесного сближения Японии с Англией и Китаем. Конечно, это было отражением дипломатии “Большой игры в Азии” – противоборства Британской и Российской империй. При этом сближение Японии с Китаем, по мнению Азиатского департамента МИД России, “могло бы совершиться лишь в пользу последнего как сильнейшего из двух вышеназванных государств”²⁴. Этот документ был датирован 8 сентября 1892 г. Но 28 марта 1894 г. в Шанхае был убит Ким Он Кюн, лидер корейских реформаторов, ориентированный на Японию. Это была прелюдия японо-китайской войны 1894–1895 гг., которую российской дипломатии не удалось ни предвидеть, ни предотвратить, и в которой Цинская империя потерпела тяжелое поражение.

По Симоносэцкому мирному договору, подписанному 17 апреля 1895 г., Япония добилась свободы рук в Корее, ставшей независимой, попыталась закрепить на Ляодунском полуострове и получила во владение остров Тайвань. В связи с организованным Россией демаршем трех держав (к России присоединились Германия и Франция) Япония отступила с Ляодунского полуострова. Но не отказалась от получения от Китая контрибуции в 200 млн. лан (примерно 400 млн. руб. серебром). Таким образом, Япония заявила о себе как новая сила в регионе, государство, решившее проводить широкую военно-политическую экспансию. События на Корейском полуострове в свою очередь стали прологом такого метода разрешения противоречий как японо-руская война 1904 – 1905 гг. Мне представляется правильной позиция автора, который подчеркивает, что война эта должна называться не русско-японской, как это было принято, а японо-русской²⁵ в силу того, что была развязана Японией.

Интересны приводимые А.А. Кошкиным планы правящих кругов Японии, касавшиеся России. Так, представитель японского правительства в Сеуле заявил в феврале 1893 г., что “Дальний Восток должен составлять достояние Японии и Китая, а Европа как их общий враг должна быть изгнана из этих краев”. Он призывал “изгнать Россию из Сибири вплоть до Урала и обратить ее (Сибирь. – В.М.) в район для колонизации всех наций” (с. 81).

Поражение Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг. заставило русское правительство пересмотреть свои подходы к ситуации на Дальнем Востоке в целом и к

²³ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили..., с. 332.

²⁴ Там же, с. 333.

²⁵ О переименовании китайско-японской войны 1894–1895 гг. в японо-китайскую см.: Мясников В.С. Третья дальневосточная война 1894–1895 гг. и эволюция политики России в регионе. – Проблемы Дальнего Востока, 1995, № 5, с. 81–94. См. также: Забровская Л.В. Историографические проблемы японо-китайской войны 1894–1895 гг. Владивосток, 1993.

Японии в частности. В Петербурге были приняты стратегические решения: поддержать Китай и укрепить отношения с ним, ускорить строительство Великой Сибирской магистрали, приобрести на Тихом океане незамерзающий порт для усилившегося военно-морского флота России.

Эти решения были реализованы путем предоставления Китаю 24 июня 1895 г. 4% золотого займа в 400 млн. франков для выплаты Японии репараций. Затем последовало подписание в Москве 22 мая 1896 г. секретного Союзного договора²⁶. Его первая статья гласила: “Всякое нападение, направленное Японией, либо против русской территории в Восточной Азии, либо против территории Китая или Кореи, повлечет за собой немедленное приложение настоящего договора. В этом случае, обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, которыми они могут располагать в этот момент, и помогать друг другу, насколько возможно для снабжения своих соответствующих сил”²⁷.

В статье 4 этого же Договора России разрешалось, “чтобы облегчить русским сухопутным войскам доступ к угрожаемым пунктам и обеспечить их снабжение”, построить через территорию Северо-Восточного Китая железную дорогу “по направлению к Владивостоку”²⁸.

Наконец, 15 марта 1898 г. в Пекине между Россией и Китаем была заключена конвенция об аренде части полуострова Ляодун с портами Люйшунью (Порт-Артур), Далянь (Дальний) и с прилегающим к ним водным пространством и территорией²⁹. Разумеется, все эти меры сковывали возможности Японии проникнуть в Китай через его северо-восточные провинции. Ситуация еще больше усложнилась, когда в 1900 г. в Цинской империи вспыхнуло восстание “ихэтуаней”³⁰, в ходе которого начались нападения на иностранцев³¹. В Северо-Восточном Китае, где было много служащих Китайской-Восточной железной дороги (КВЖД), торговцев и других представителей первой волны эмиграции из России, жизнь многих из них подвергалась опасности. Под угрозой оказались и стратегические интересы России в регионе. Вместе с другими западными державами Россия провела операцию по “принуждению к миру”: ввела войска в Северо-Восточный Китай и приняла участие в освобождении от осады посольского квартала в Пекине. Но все эти шаги вылились в углубление противоречий в политике двух стран³².

Говоря об активности русской дипломатии на Дальнем Востоке на грани XIX–XX вв., японский дипломат Кикудзиро Исии так объяснил причину японо-русской войны 1904–1905 гг.: “Незнакомая с японской историей или умышленно не обращая на нее внимание, Россия опрометчиво бросилась в ту область, которую японская нация привыкла в течение двух тысяч лет связывать со своей безопасностью”³³.

²⁶ Русско-китайские договорно-правовые акты, с. 207–209.

²⁷ Там же, с. 208, 212–216.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 221–224, 225–227.

³⁰ В исторической литературе оно иногда именуется “боксерским”, так как первоначально носило название “и-хэ-цюань” – “кулак во имя мира и справедливости”, во второй фазе восстания переименовали в “и-хэ-туань” – “сплочение во имя мира и справедливости”. О ходе восстания и событиях в Пекине см.: *Корсаков В.В.* Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде Пекина. Май – август 1900 года. СПб., 1901.

³¹ В.В. Корсаков так пишет о причинах этого восстания: “Европейская христианская цивилизация внесла в среду языческого, но самобытно-культурного китайского народа такие лицемерие и неправду, что иного исхода, как ненависть и презрение у всех любящих свою родину, европейцы и не могли ожидать. Проявление этой общенародной ненависти составляло вопрос времени и обстоятельств, ей благоприятствующих” (с. XIV).

³² Подробнее см.: *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928, с. 306–317.

³³ *Кикудзиро Исии.* Дипломатические комментарии. М., 1942, с. 9.

Но А.А. Кошкин гораздо четче вскрывает истинные причины этого вооруженного конфликта. “Объективный анализ складывавшейся на Дальнем Востоке ситуации, – пишет он, – приводит к выводу, что японско-русская война возникла в результате двух экспансионистских потоков со стороны царской России и императорской Японии. Свокорыстные интересы правящих кругов двух стран выросли в столь острое противоречие, которое можно было разрешить только силой” (с. 92).

Ход войны детально излагается в том разделе книги, который носит заглавие “Череды поражений”. Но в то же время автор монографии приводит убедительные доказательства того, что финал этого противоборства для России мог бы быть не столь унижительным. И материальные ресурсы, и дипломатические усилия могли бы привести нашу страну к вполне почетному миру (с. 101–111). Но возможность этого была смыта той революционной волной, которая прокатилась по России в 1905–1907 гг.

Боязнь победы революции, давление Англии и Франции, обострение ситуации в Турции и Персии привели Петербург к поспешности и уступчивости в переговорах о прекращении войны и подписании мирного договора. Япония получила Корейский полуостров под свой исключительный контроль в политической, военной и экономической сферах. Добилась она и приобретения Ляодунского полуострова с Порт-Артуром Дальним и Южно-Маньчжурской железной дорогой. Наконец, ей досталась и южная часть Сахалина³⁴. Японская сторона даже потребовала контрибуции. Но “Николай II гордо заявил, что не даст ни копейки, и де Россия никогда и никому не платила контрибуции”. И все же “царское правительство выплатило 46 млн. рублей золотом... за содержание русских пленных в Японии”³⁵.

Святитель Николай Японский, переживая поражения армии и флота, 4(17) августа 2004 г. оставил в своем дневнике замечательную запись: «Несчастливая это война с миссией не идет, ко всему примешивается, и все портит; знать, патриотизм такое же естественное чувство человека, как сознание своего “я”. Что будешь делать! Нужно терпеть это непрерывное, мучительное колотье»³⁶. И через два дня 6 (19) августа он анализирует сообщения японских газет: «Никогда прежде не чувствовал себя так грустно и одиноко. В церкви вчера и сегодня почти никого. В газетах Россия окончательно побита и ограблена: “Маньчжурия возвращена Китаю, Порт-Артур и Дальний сделались японскими; японцы, кроме того, взяли себе Сахалин, Камчатку, Сибирь до Енисея; проведенная Россией Маньчжурская железная дорога, конечно, сделалась японскою; сверх всего этого японцы взяли с России контрибуции тысячу миллионов рублей да еще хвалятся, что это весьма скромно и умеренно”. Вот и утешайся тем, что ты русский! Быть может, в России нечто подобное проделывают и с Японией, но так как русских газет сюда не доходит, то приходится быть односторонним, что так же неприятно, как если бы сквозной ветер продавал одну сторону тела, не касаясь другой, причем, как известно, возбуждаются ревматические боли, если ревматизм есть в теле»³⁷.

Портсмутский договор был подписан 5 сентября 1905 г. В Токио он был встречен не ликованием, а народными волнениями. «Первоначально причиною волнения, – повествует святитель Николай в своем дневнике 24 августа (6) сентября 1905 г., – служит недовольство заключенным миром. Почему с России не взята контрибуция? Зачем ей отдана половина Сахалина? Коно Хиронака, известный своим беспокойным характером политический деятель, подал петицию Императору, чтобы делегаты были наказаны и мир не ратифицирован. В Хиби-парке были зажигательные речи в тон этой петиции, остановленные полицией, с чего и загорелся “сыр-бор”. Огромная толпа всю

³⁴ Текст Портсмутского мирного договора и Дополнительных статей к нему см.: Русско-китайские договорно-правовые акты, с. 522–528.

³⁵ *Широкоград А.Б.* Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М., 2006, с. 362.

³⁶ Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Дневники 1870–1911 гг. СПб., 2007, с. 623.

³⁷ Там же, с. 623–624.

ночь металась по городу, жгла полицейские участки и пыталась прорваться на территорию Русской Духовной миссии, но была остановлена гвардейцами. На следующий день распространились слухи, что будет подожжен православный храм. Многочисленные зрители заранее занимали места, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Но, слава Богу, все обошлось»³⁸.

Именно унижительность поражения, зафиксированная в Портсмутском мирном договоре, привела к тому, что русские люди, относившиеся к поколению, которое пережило это унижение, ждали того дня, когда японский милитаризм потерпит крах, и исторические права России на утраченные территории будут восстановлены. Надежались, что этот “узел противоречий”, который по своей надежности и простоте вязания был близок к морскому узлу, будет раздернут рукой опытного политика.

Десятилетие 1907–1917 гг. охарактеризовано в монографии А.А. Кошкина, как период временного и лишь видимого улучшения русско-японских отношений. Почему, временного? Потому, что их улучшили за счет Китая. Договорные акты 1907–1916 гг. фиксировали раздел сфер влияния двух держав в Северо-Восточном и Северном Китае (с. 124–130). Почему, лишь видимого? Потому, что к сближению России и Японию в значительной степени подстегнул нажим американской дипломатии, пытавшейся открыть двери этой части Китая для американских банков и монополий (с. 125–126). Настроение русской общественности по поводу сближения нашей страны с Японией очень тонко отразил видный общественный и государственный деятель той эпохи, почетный член Академии наук и Академии художеств, граф И.И. Толстой, 10 августа 1910 г. оставивший в своем дневнике следующую запись: «Газеты сообщают о состоявшейся аннексии Кореи Японией, таким образом, закончилась глава истории, посвященная борьбе России с “англичанами Дальнего Востока”, полным торжеством последних»³⁹.

Синьхайская революция 1911 г., свергнувшая маньчжурскую монархию, и две русские революции 1917 г., особенно последняя по времени – социалистическая Октябрьская – привели к радикальному изменению стратегии держав (России, Китая и Японии) на мировой арене и к перестройке международных отношений в регионе Восточной Азии и северной части Тихого океана.

Как показано в рецензируемой монографии, Советская Россия по сути своей была неприемлема для императорской Японии. Вместе с западными державами страна Восходящего Солнца предприняла интервенцию и 5 апреля 1918 г. японские войска высадились во Владивостоке. Японская интервенция отличалась от вооруженного вмешательства в дела России других стран тремя показателями. Во-первых, на российскую территорию было введено более 70 тыс. войск, а не 7 тыс. как договаривались “союзники” по оккупации. Во-вторых, продолжительностью – из Владивостока японцы эвакуировались только в конце 1922 г., а с Северной Сахалина их удалили лишь в 1925 г. И, наконец, в-третьих, особой жестокостью по отношению к сопротивлявшемуся местному населению. Эти особенности вторжения Японии на территорию России объясняются попытками токийских правящих кругов воспользоваться тем, что в соседней стране шла гражданская война, и отторгнуть значительные части российской территории⁴⁰. В христианской традиции покаяние является одним из главных постулатов веры. Ни в буддизме, ни в синтоизме – основных японских религиях – такого понятия нет. Тем не менее, император приносил китайскому народу извинения за все

³⁸ Там же, с. 705–709.

³⁹ Толстой И.И. Дневник, в 2-х т. Т. II. 1910–1916. СПб., 2010, с. 96.

⁴⁰ В китайском трактате “36 стратагем” стратагема № 5 носит выразительное название: “Грabbить во время пожара”. Ее сущность расшифровывается несколькими вариантами: извлекать выгоду из нужды, трудностей, кризисного положения другого; нападать на поверженного в хаос противника; стратагема стервятника. См.: *Зенгер Харро фон*. Стратагемы. Т. 1. Стратагемы 1–16. Общая редакция, вступительная статья и комментарии академика В.С. Мясникова. М., 2004, с. 111.

то зло, которое Китаю принесла японская агрессия. Что касается нашей страны, то никаких попыток признания вины с японской стороны не было.

К 30-м годам прошлого столетия японское руководство решило, что страна готова к тому, чтобы вступить в борьбу за передел мира. Неприятие социалистических идей, привело Японию к подписанию 25 ноября 1936 г. “Антикоминтерновского пакта” с гитлеровской Германией. Около года спустя к этому пакту присоединилась и фашистская Италия, в результате чего сложилась ось “Берлин – Рим – Токио”. Оболочкой экспансионистской стратегии Японии стал пропагандистский план создания “Сферы процветания Восточной Азии”. Обширные районы Азии добавились к старым планам территориальных захватов. Одной из важных составляющих стратегии Токио, как показывает А.А. Кошкин, было отторжение военным путем советского Дальнего Востока и Восточной Сибири, что обозначалось политологическим термином “*хокусин* – движение на север” (с. 147).

Японский посол в Москве Хирота летом 1931 г. рекомендовал начальнику генерального штаба проводить “решительную политику против Советской России и быть готовыми в любой момент начать войну с целью захвата Восточной Сибири”. Тогда же военный атташе Японии в Москве подполковник Касахара Юкио писал в Токио: “Япония должна продвинуться по крайней мере до озера Байкал, рассматривая дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы” (с. 149).

В 1931 г. Япония захватила три Северо-Восточные провинции Китая и вышла к сухопутным границам с СССР и МНР. В связи с этим тот же Касахара Юкио торопил свое начальство в Токио: “Японо-советская война в будущем неизбежна... С точки зрения боеспособности СССР для нас было бы выгодным эту войну начать как можно скорее” (с. 150). Советское руководство, учитывая нависшую угрозу, предложило Японии заключить договор о ненападении. Однако 13 декабря 1932 г. японская сторона официально заявила, что для этого еще “не созрел момент”, и одновременно с этим император Хирохито одобрил план войны против СССР (с. 151). Этот план активно обсуждался и в следующем году, когда Япония заявила о своем выходе из Лиги Наций.

7 июля 1937 г. Япония начала вторжение во внутренний Китай. Так началась Вторая мировая война. За месяц до этого начальник штаба Квантунской армии генерал Тодзио Хидэки телеграфировал в генеральный штаб: “Если рассматривать теперешнюю обстановку в Китае с точки зрения подготовки войны против СССР, наиболее целесообразной политикой является нанесение, прежде всего, удара, если позволят наши силы, по Нанкинскому правительству, что устранило бы угрозу нашему тылу” (с. 156). Советский Союз оказал китайскому народу реальную помощь в его войне сопротивления японской агрессии. С сентября 1937 по июнь 1941 г. СССР направил в Китай 1235 самолетов, 1600 орудий различного калибра, свыше 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок. Советские военные летчики и другие специалисты активно сражались, защищая Китай⁴¹.

А.А. Кошкин показал, что японская проверка прочности советских границ у оз. Хасан в июле – августе 1938 г., была связана с подготовкой к захвату в Китае одного из крупнейших промышленных центров – города Ухань (с. 162, 167). На основе новых документов освещается весь ход этого инцидента (с. 162–168).

Вторично боевое соприкосновение японских и советских вооруженных сил произошло на реке Халхин-Гол в 1939 г. А.А. Кошкин, проведя широкий анализ японских документов, отмечает, что помимо осуществления чисто военной операции японское правительство преследовало и важные дипломатические цели. В военном отношении был задействован план, обозначавшийся как “Операция № 8” – нанесение основного удара по СССР не через Приморье или Приамурье, а через Монголию в направлении

⁴¹ Подробнее см.: Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945. Кн.1. 1937–1944. М., 2000.

Байкала. Японские военные считали, что на этом направлении “противник не ждал наступления” (с. 168). При этом, как отмечается в японской “Официальной истории”: “Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения – как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР” (с. 169).

Дипломатическая составляющая этой агрессии против МНР и одновременно против СССР заключалась в попытке усилить позиции японской стороны в ее стремлении добиться от Англии благожелательного нейтралитета в отношении войны в Китае. Секретные документы Квантунской армии гласили: “Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией” (с. 169–170). И японская дипломатия добилась успеха. 24 июля 1939 г., в разгар боев на Халхин-Голе, было подписано “Соглашение Арита – Крейги” о признании законной японской власти на оккупированной территории Китая.

Это соглашение получило в исторической литературе название “дальневосточного мюнхенского сговора”. В этой обстановке СССР 23 августа 1939 г. подписал пакт о ненападении с Германией. Временный поверенный в делах СССР в Японии сообщал в Москву 24 августа: “Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность, особенно военщину и фашистский лагерь”. Большинство членов правительства даже думали о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией (с. 176).

“Заключение этого договора ставит СССР в центр мировой политики”, – заявил Чан Кайши советскому полпреду А.С. Панношкину. Что касается поставленного советским дипломатом вопроса: “Не может ли Англия пойти на какую-либо сделку с Японией и принести в жертву интересы Китая?”, Чан Кайши ответил, что “Китай не Чехословакия, поэтому, о чем бы ни договорились Япония и Англия, принести в жертву интересы Китая они не смогут, так как Китай ведет свою собственную политику”⁴².

Япония также пыталась использовать военные действия против МНР на американском направлении своей дипломатической деятельности, запугивая США “угрозой большевизма”, для того чтобы американская сторона отложила денонсацию торгового договора. Наконец, правящие круги Токио хотели поднять свой рейтинг в Берлине⁴³. Но все эти расчеты были сорваны скоординированными действиями советско-монгольских войск. Япония потерпела и военное и политическое поражение (с. 170–176).

Но это не охладило захватнический пыл японских военных кругов. Они продолжали курс на то, чтобы “расширить подготовку к войне против СССР”. Подготовка должна было закончиться к середине 1941 г. (с. 180). Вместе с тем, как отмечает А.А. Кошкин, в Токио начали раздаваться голоса о необходимости заключить договор о ненападении с СССР, аналогичный советско-германскому пакту. Интересно ставился этот вопрос и в ходе советско-германских переговоров. “Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии”, – поясняется в монографии (с. 181–182). В целом глава о дипломатической прелюдии японско-советского замирения в форме Пакта о ненападении написана А.А. Кошкиным на основе глубокого анализа международной обстановки и внутренних течений в политике японского руководства (с. 191–222). Своеобразным контрольным пунктом деятельности японской дипломатии на этом направлении стала одобренная кабинетом министров “Программа мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении”. Пункт 2 этой программы гласил: “Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к вой-

⁴² Русско-китайские отношения в XX в., т. IV, кн. 1, док. № 373.

⁴³ А.А. Кошкин приводит документальные свидетельства того, что Гитлер не высоко ценил своего дальневосточного союзника и давал уничижительные оценки императору Хирохито и его окружению (с. 218).

не, которая исключала бы их поражение” (с. 191). Реализовать этот пункт программы должен был министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ.

Несомненной заслугой автора является публикация стенограмм, освещающих совместные заседания Координационного совета правительства Японии и императорской ставки (с. 235 – 241). Эти и другие японские документы щедро предоставлены А.А. Кошкиным для ознакомления с ними российских читателей. Они свидетельствуют о том, что в 30–40-е годы XX в., когда явно приближался крах великих колониальных империй, Япония, воссоздавшая себя в конце XIX – начале XX в. в качестве реальной политической силы, пыталась строить свою колониальную империю. Ошибки стратегического планирования, вызванные непониманием основных тенденций всеобщей истории и мировой политики, вели страну к поражению.

В японско-германских отношениях в тот период главной задачей Японии была борьба против СССР (с. 197). А.А. Кошкин раскрывает антисоветскую направленность подписанного 27 сентября 1940 г. “Тройственного пакта” Германия – Италия – Япония (с. 201–202). В книге показано, как советско-японские переговоры о подписании Договора о нейтралитете эволюционировали к Пакту о ненападении (с. 209)⁴⁴. 18 ноября в беседе с японским послом в Москве Татекавой В.М. Молотов заявил о компенсациях, которые СССР хотел бы получить в связи с подписанием этого пакта. Первоначально советская сторона настаивала на возвращении Южного Сахалина и Курильских островов (с. 211), но в дальнейшем речь велась и о покупке Южного Сахалина и Курильских островов (с. 213). Важно и то, что Япония, получив в конце 1940 г. сведения о подготовке Германии к войне с СССР, стремилась подписать пакт о нейтралитете или ненападении, чтобы не быть вовлеченной сразу же в эту войну (с. 215). Японская сторона преследовала две цели: во-первых – добиться отказа от СССР помощи Китаю, во-вторых – обеспечить тыл на севере в случае начала войны против США и Великобритании на Тихом океане. Подписание Договора о нейтралитете состоялось в Москве 13 апреля 1941 г. (с. 214). Примечательно, что именно в этом месяце в Японии было введено нормированное распределение риса.

Нападение нацистской Германии на СССР дало повод руководящим кругам Японии обсудить советское направление политики Токио. На императорском совещании 2 июля 1941 г. за нападение на Советский Союз активно выступали принц Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма (с. 243–244). Но, пожалуй, наиболее откровенно сформулировал свои требования председатель Тайного совета Хара. “Я полагаю, – утверждал он, – все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатам, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта оказать всяческое содействие Германии... Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы не этично нападать на Советский Союз, но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен” (с. 246–247).

⁴⁴ При этом следовало удержать сражавшийся Китай от капитуляции перед Японией. В этом был смысл личного послания И.В. Сталина Чан Кайши от 16 октября 1940 г. (с. 207).

Таким образом, нейтрализация более чем реальной угрозы со стороны Японии была в этот момент одной из важнейших задач советской дипломатии⁴⁵. Но следует подчеркнуть, что в Москве не было страхов по поводу возможности нападения Японии. А. Иден, посетивший Москву зимой 1941 г., 20 декабря в ходе его четвертой беседы с И.В. Сталиным поднял вопрос о Дальнем Востоке, попросив у Сталина помощи в борьбе с Японией. Сталин ответил, что “если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, Советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется еще не меньше четырех месяцев, прежде, чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах”. И, продолжая свои рассуждения, советский руководитель выдвинул парадоксальную идею, заявив, что он “полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии”. Сталин полагал, что “нападении Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражение на фронте. Тогда Гитлер пустит все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР”⁴⁶.

Эта оценка оказалась точной. К началу немецкого наступления летом 1942 г. Квантунская группировка войск была значительно усилена. Японским генеральным штабом был составлен план наступления на советский Дальний Восток. В поход для захвата Приморья должны были бросить 30 пехотных дивизий, 4 авиадивизии (1500 самолетов) и около 1000 танков (с. 266). В разгар продвижения германских армий на Сталинград японский штаб сухопутных войск подготовил “Операцию № 51” – нанесение удара по Советскому Союзу силами авиации, 23 пехотных и танковых дивизий. И в период подготовки битвы на Курской дуге, по настоянию Берлина летом 1943 г. в Токио обсуждался план нападения на Советский Союз⁴⁷. Американская дипломатия, заинтересованная после Пёрл-Харбора в том, чтобы СССР участвовал в войне на Тихом океане, предупреждала советское руководство о возможности внезапного нападения Японии (с. 267).

Но Япония не спешила нанести свой удар. Сдерживающими факторами были: провал германского “блиц-крига”, прочность советского строя, наличие мощной группировки советских вооруженных сил на Дальнем Востоке (с. 260–263). Как указывалось еще 26 июля 1941 г. в одном из документов японской ставки: “В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное – двадцатью – тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище” (с. 262). Значит, не был забыт налет советских бомбардировщиков, уничтоживших главную базу японской авиации на Тайване в 1937 г. Учитывались и налеты советских бомбардировщиков на Берлин летом 1941 г.

20 июля 1942 г. начальник оперативного управления генерального штаба японской армии размышлял на страницах своего дневника: “В настоящее время необходимо решить вопрос о принципах руководства войной в целом. Видимо, в 1942–1943 гг. целесообразно будет избегать решающих сражений, вести затяжную войну. Операцию против Советского Союза в настоящее время проводить не целесообразно” (с. 263). На

⁴⁵ *Ситолс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997, с. 93–98.

⁴⁶ *Ржещевский О.А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942. М., 1997, с. 58.

⁴⁷ *Мировые войны XX века.* Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002, с. 192–193.

эту оценку ситуации, безусловно, повлияло и поражение, которое потерпело 4–7 июня 1942 г. японское авианосное соединение, пытавшееся захватить оперативную базу США у гавайского аттола Мидуэй, от американского Тихоокеанского флота. Боевые действия в основном осуществляли самолеты палубной авиации. Японская эскадра потеряла 4 авианосца, 2 тяжелых крейсера, 3 эсминец, несколько вспомогательных судов. Потери американцев составили 1 авианосец и 1 эсминец.

Внешняя политика Японии периода Второй мировой войны, маневры ее дипломатии в отношениях с Советским Союзом, военные приготовления – все это самым тщательным образом исследуется А.А. Кошкиным на огромном количестве японских документов и литературы. При этом автор широко использует весьма ценные аналитические донесения Р. Зорге.

После Сталинградской битвы наступил перелом в ходе войны на советско-германском фронте. Япония в это же время в феврале 1943 г. отступила после длительных боев с принадлежавших Великобритании Соломоновых островов. Ситуация явно складывалась так, что в руководстве Японии попытались разыграть советскую карту против США и Британии. Был составлен план “примирения СССР с Германией”, результатом которого было бы усиление борьбы немцев против Англии и Америки, что позволило бы усилить Японии свои позиции в войне на Тихом океане (с. 272–274). Но победа советских войск на Курской дуге летом 1943 г. означала, что Германия проиграла войну.

В канун Тегеранской встречи лидеров “большой тройки” в Москве 19–30 октября 1943 г. прошло совещание министров иностранных дел трех держав. Американский Объединенный комитет начальников штабов предложил обсудить на этом совещании документ, который содержал утверждение, что “полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США и Великобритании” (с. 274).

Президент США Ф.Д. Рузвельт еще 5 октября 1943 г. высказал в своем ближайшем окружении суждение, что “Курилы должны быть на самом деле переданы России”⁴⁸. А.А. Кошкин справедливо отмечает, что Каирская декларация США, Китая и Великобритании от 3 декабря 1943 г. не противоречила изъятию Курил из-под юрисдикции Японии и передаче их Советскому Союзу. “Япония будет... изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности”, – гласил текст Декларации подписанный Рузвельтом, Черчиллем и Чан Кайши (с. 283). Заметим, что Китаю должен был быть возвращен остров Тайвань.

В Тегеране 28 ноября – 1 декабря 1943 г. Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем обсуждался вопрос об открытии второго фронта в Европе. Западные лидеры затронули вопрос об участии СССР в разгроме Японии. Сталин заключил свое ответное выступление словами: “Когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда – общим фронтом против Японии”. Там же прошло и первое обсуждение проблемы восстановления после разгрома Японии прав СССР на утраченные в период японской экспансии территории (с. 275).

А. Гарриман, назначенный послом в Москву, вел переговоры с И.В. Сталиным от имени президента Ф. Рузвельта. 14 декабря 1944 г. отвечая на вопрос американской стороны о политическом урегулировании на Дальнем Востоке, Сталин ответил, что Советскому Союзу следует вернуть то, что было отторгнуто по Портсмутскому договору⁴⁹, а также передать Курильские острова. Напомнив Гарриману, что в Тегеране Рузвельт по собственной инициативе поднял вопрос об обеспечении СССР выхода к теплым морям, имея в виду Порт-Артур и Дальний, которыми Россия пользовалась раньше, Сталин

⁴⁸ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002, док. № 322, с. 455.

⁴⁹ Еще в период подготовки договора о нейтралитете В.М. Молотов подчеркивал в беседах с японским послом, что Портсмутский договор в связи с коренным изменением обстоятельств утратил свою силу.

сказал, что кроме этих портов для связи с ними и Владивостоком Советскому Союзу требуются КВЖД и ЮМЖД на правах аренды. При этом Китай должен полностью сохранить свой суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги (с. 284).

Ялтинское “Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока” предусматривало вступление Советского Союза в войну против Японии. Оно было выработано и заключено руководителями СССР, США и Великобритании без особых трудностей. Требования, выдвинутые Сталиным на этих переговорах в качестве условия вступления СССР в войну против Японии, не встретили возражений со стороны Рузвельта и Черчилля. Напротив, некоторые условия в пользу СССР были предложены по их инициативе (с. 285–292). В Соглашении, в частности, подчеркивалось, что после победы над Японией Советскому Союзу будут возвращены Южный Сахалин с прилегающими к нему островами, а также переданы Курильские острова.

Для Сталина поражение Японии в этой войне было справедливым актом возмездия за тот ущерб, который был причинен России в 1905 г. Руководитель СССР стремился очистить историческую память народа своей страны, сметя то пятно позора, которое оставила на ней война 1904–1905 гг. Позже, когда Япония была разгромлена и повержена, он скажет: “Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции. Это значит, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии”⁵⁰.

Как свидетельствует история, на протяжении конца XIX – первой половины XX в. Япония была наиболее агрессивным государством региона, развязавшим четыре крупных войны против соседних государств, включая нашу страну. Международно-правовые акты, принятые союзными державами после разгрома японского милитаризма, были направлены на то, чтобы сделать невозможным его возрождение.

Вместе с тем следует учитывать, что “на Восточную и Юго-Восточную Азию распространилось то же советско-американское противостояние, которое наметилось в Европе после разгрома гитлеровской Германии. Правда, возможности США были здесь в тот момент более предпочтительными. Что же касается Японии, то она не играла больше никакой активной роли ни в мировых, ни даже в региональных делах”⁵¹.

Мотивы действий американской администрации, пришедшей к власти после кончины Ф.Д. Рузвельта, раскрыл новый президент Г. Трумэн. “Мы должны поддерживать свой полный контроль над Японией и Тихим океаном, – писал глава Белого дома госсекретарю Дж. Бирнсу. – Мы должны восстановить Китай и создать там сильное центральное правительство, мы должны сделать то же самое в Корее”⁵².

В свою очередь правящие круги Японии, опасавшиеся усиления коммунистического движения в стране⁵³ и учитывавшие противоречия между США и СССР⁵⁴, сде-

⁵⁰ Мировые войны XX века, кн. 4, док. № 419, с. 590.

⁵¹ История Японии 1868–1998. Уч. пособие, изд. 2-е, испр. и доп., т. 2. М., 1999, с. 483. О подготовке США к послевоенному управлению Японией подробнее см.: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1. 1945–1957 годы. М., 1978, с. 32–33.

⁵² Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980, с. 410.

⁵³ Бывший премьер-министр принц Коноэ в докладе императору, поданном еще в феврале 1945 г., писал: “Наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за этим поражением”. – История войны на Тихом океане, т. 4, приложение. М., 1957, с. 252.

⁵⁴ Попытки японского правительства расколоть коалицию союзных держав для того, чтобы избежать безоговорочной капитуляции, а также действия советской и американской дипломатии по проблемам завершения войны с Японией и ее послевоенного устройства детально рассмотрены в статье академика Г.Н. Севостьянова “Япония 1945 г. в оценке советских дипломатов. Новые архивные материалы”. – Новая и новейшая история, 1995, № 6, с. 32–53. Начальный этап

ляли ставку на сближение с Вашингтоном. Немедленно вслед за подписанием Акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. прошло заседание Тайного совета Японии, в ходе которого бывший министр иностранных дел Иосида утверждал, что “в Восточной Азии создается обстановка, которая породит противоречия между Советским Союзом и Соединенными Штатами, в результате чего они будут сдерживать друг друга”. В результате Тайный совет принял решение, гласившее: “Во всяком случае, мы должны придерживаться такого курса, который позволил бы нам заручиться доброжелательным отношением со стороны Соединенных Штатов”⁵⁵.

Казалось, что японское общество, возрождаясь после поражения страны во Второй мировой войне, должно было бы выработать иммунитет против милитаризации⁵⁶. Однако обстановка “холодной войны”, в которой для Японии целями борьбы оказались СССР и Китай подтачивала этот иммунитет. Дж.Ф. Даллес был в не меньшей, а может быть даже и в большей степени творцом “холодной войны”, чем У. Черчилль. В Фултоне английский премьер оставил недокуренную сигару, из которой госсекретарь США сумел раздуть вселенский пожар. Его теория “отбрасывания коммунизма” относилась к отношениям Японии с ее соседями. Конечно, интересы возрождения страны требовали развития взаимовыгодных экономических отношений и с этими странами. Но эти интересы не стали императивом, закрывавшим путь к возрождению японского милитаризма.

События последних десятилетий показывают, что новая военно-политическая стратегия Японии – существенный шаг к милитаризации страны, следующим шагом уже может быть перенесение методов военной организации в область гражданских отношений. Встречает ли эта стратегия активное сопротивление японской общественности?

Факты свидетельствуют о том, что возможность манипулировать общественным мнением, мобилизовать нацию на поддержку антиконституционному милитаристскому курсу, в Японии вновь обретаема правящей элитой. И в этом определяющую роль сыграл национализм. Становлению и развитию японского национализма способствовала одна из основных религий Японии – синто.

«Однако, несмотря на личные симпатии и антипатии, которые мы можем испытывать к японскому национализму, – отмечает крупнейший специалист по духовной культуре Японии А.Н. Мещеряков, – следует признать, что национализм и связанный с ним идейный комплекс являются одним из этапов существования нации и государственности (“государство-нация”, nation-state) в новое и новейшее время. Это утверждение справедливо как по отношению к Японии, так и по отношению к Западу, откуда японский национализм заимствовал свои основополагающие идеи. Существовавшее в традиционной японской культуре чрезвычайно резкое противопоставление по линии свой/чужой (это положение справедливо и для жителей отдельных деревень/регионов, и для представителей разных сословий), безусловно, облегчило использование синто в качестве инструмента японской нации и всего сопутствующего этому процессу идеологического комплекса. В этом комплексе оппозиция свой/чужой была расширена до масштабов страны, одним из параметров, по которому проходит водораздел между японцами и не японцами, был признан синтоизм»⁵⁷.

Добавим к этому, что одним из главных синтоистских храмов является святилище *кокка синто* (государственного синто) *Ясукуни дзиндзя*, построенное в 1869 г. по указу

дипломатической истории советско-японских отношений наиболее полно представлен в новой работе коллектива авторов под руководством академика Г.Н. Севостьянова “Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля”. Сб. документов. Отв. ред. академик Г.Н. Севостьянов. Кн.1. 1921–1925; Кн.2. 1926–1931. М., 2007.

⁵⁵ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы, т.1, с. 93.

⁵⁶ Подробнее см.: Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009.

⁵⁷ Мещеряков А.Н. Предисловие. – Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто. М., 2010, с. 7.

императора-реформатора *Мэйдзи* (1868 – 1912). Первоначально оно служило для увековечения памяти погибших за императора в закончившейся тогда гражданской войне. Впоследствии, оно стало “основным государственным святилищем”, где почитаются *ками* (духи) всех солдат и гражданских лиц, отдавших жизнь в войнах, которые вела Япония в XIX–XX вв. до 1945 г. Все они считаются *эйрэй* (героическими духами), и таким образом увековечивают не только память о погибших, но и прославляют те войны, участниками которых были. Среди почитаемых “героев” около 1000 военных преступников, осужденных Токийским и другими военными трибуналами. Всего в храме почитается более 2,5 млн. *ками*⁵⁸. Таким образом, японский национализм срastaется с милитаризмом.

Японские руководители в послевоенные годы всегда подчеркивали, что они следуют в фарватере внешней политики США. Вообще, у этого тезиса есть две стороны: одна – утрата некоторой части суверенитета государства; другая – обеспечение безопасности страны. Пойдя на поводу у США, продемонстрировав стратегическому партнеру, что японское руководство готово удовлетворять его требования, Япония одновременно оказалась перед лицом новых, очень важных проблем.

Одну из них я обозначил бы, как вопрос о членстве в Совете Безопасности ООН. КНР, как известно, против членства Страны Восходящего Солнца в Совбезе. Возможно, теперь и другие соседи Японии, особенно те, к которым она, как и к Китаю, имеет территориальные притязания, присоединятся к голосу Пекина. Не способствовала улучшению имиджа Японии в глазах большинства членов ООН, в том числе большинства государств Совета Безопасности ООН, отправка японских военных в Ирак.

Кстати, следует учитывать и то, что японское руководство, возглавлявшееся премьером Коидзуми, поддержало США не только в их Иракской войне. Оно, как и вашингтонские политики, перешагнуло через внутренние и международные правовые акты на фоне все более расширяющегося игнорирования “неудобных” международных обязательств, в том числе и по Уставу ООН и Сан-Францисскому договору 1951 г. Это происходит под воздействием такой американской внешней политики, которую сенатор Дж.У. Фулбрайт охарактеризовал как “самонадеянность силы”⁵⁹.

Впервые возможность действий вооруженных сил Японии за пределами страны была допущена в американо-японском меморандуме о военном сотрудничестве двух стран при “чрезвычайных обстоятельствах”, подписанном в декабре 1986 г. Япония обзывалась обеспечить боевое охранение морского и воздушного пространств в западной части Тихого океана в акватории до 1000 миль от японского побережья. В следующем году Япония присоединилась к программе СОИ. В ходе визита Дж. Буша-старшего в 1992 г. стороны договорились о “глобальном партнерстве”. Таким образом, Япония с помощью американской дипломатии “вползала” в те решения и действия, характеристика которых приводилась выше. А как все это воспринималось японским обществом?

По свидетельству японских дипломатов и экспертов в современной японской общественной психологии произошли существенные изменения. “В постмодернистской культуре не ТВ выступает зеркалом общества, а наоборот, общество – зеркало ТВ”. В результате возникает прототип “телевизионного человека”, т.е. “своеобразной личности, почти полностью сформированной телеобразами и Интернетом. Это в первую очередь касается внешнеполитического мышления, поскольку большинство японцев не пользуется другими источниками получения информации о международных событиях”⁶⁰.

Поэтому принятый Японией в начале XXI в. курс на отказ от политики пацифизма и на изменение роли и задач своих вооруженных сил не родился как выражение воли, устремлений всей японской нации, не стал продуктом общественно-политической дискуссии внутри японского общества, а был утвержден в короткие сроки именно благо-

⁵⁸ Боги, святилища, обряды Японии, с. 206–207.

⁵⁹ Фулбрайт Дж.У. Самонадеянность силы. М., 1967.

⁶⁰ Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. М., 2010, с. 224.

даря политической воле конкретной группы японских политиков, при одновременном нажиме со стороны Вашингтона. Желание неоконсерваторов, националистически настроенных политиков (оказывающих все более заметное влияние в политической жизни Японии) расстаться с военно-политическими ограничениями послевоенной эпохи и создать условия для новой активной геополитической роли японского государства в прочном союзе с США в первые годы XXI в. начало реализовываться в практической политике. Территориальные требования к России и являются частью этого плана.

В Токио в конце 2004 г. был одобрен и новый среднесрочный (на 5 лет, до 2009 г.) план в области оборонных мероприятий⁶¹. В нем КНР и КНДР были обозначены как потенциальные противники Японии. Как подчеркивалось в этом документе, Китай, который оказывает серьезное влияние на региональную безопасность, наращивает свою ракетно-ядерную мощь, модернизирует военный флот и военно-воздушные силы, становится все более активным на море. Северная Корея в свою очередь обвинялась в развитии, развертывании и наращивании оружия массового уничтожения и баллистических ракет. Именно в 2004 г. тогдашний премьер Коидзуми совершил вояж на военном корабле у южной части Курил.

15 декабря 2006 г. Управление национальной обороны Японии превратилось в полноценное министерство. Хочется также отметить, что в те же годы было принято решение о посылке японского воинского контингента в Ирак.

Оценивая книгу А.А. Кошкина как блестящее сочетание глубокого исторического исследования проблемы с освещением ее сегодняшнего значения для реальной политики нашей страны, сделаем несколько небольших замечаний.

Н.Н. Муравьев был не адмиралом (с. 67), а генералом от инфантерии и генерал-губернатором Восточной Сибири. В отношениях нашей страны с островной империей есть десятилетие 1921–1931 гг., которое академик Г.Н. Севостьянов охарактеризовал как “период миротворчества во взаимоотношениях Советского государства и Японии”. Среди важнейших проблем, находившихся в центре внимания Москвы в указанный период, были прекращение японской военной интервенции на советском Дальнем Востоке в целом (1921–1925), и в частности эвакуация японских войск из Приамурья и Приморья (1921–1922) и с Северного Сахалина (1921–1925). Установление дипломатических отношений с Токио заняло у Москвы около трех лет (1923–1925). Вопросы экономики – японских нефтяных и угольных концессий, рыболовства – также решались не без труда. Всему этому посвящен упоминавшийся выше двухтомник “Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931”. Основу двухтомника составляют ранее не публиковавшиеся документы из Архива Президента РФ. Остается только выразить сожаление, что автор рецензируемой монографии не ознакомился с этой интересной документальной коллекцией⁶². Думаю, что надо было указать, что Дайрен (с. 141), это японское название китайского города Далянь (русс. Дальний). Все эти замечания носят чисто редакционный характер.

В целом новая монография А.А. Кошкина убедительно доказывает, что нынешняя политика Японии в отношении РФ – это, к сожалению, политика, основанная на милитаристском прошлом нашего дальневосточного соседа, опрокинутом в сегодняшний день.

⁶¹ План обеспечивал наращивание сил самообороны по сравнению с предыдущим уровнем. Так, в целом состав сил самообороны увеличился со 160 тыс. до 166 тыс., причем регулярная армия возросла со 145 тыс. до 156 тыс., количество танков возросло с 900 до 930, а эсминцев с 50 до 52.

⁶² Например, как в Политбюро в 1923 г. обсуждался вопрос о продаже Северного Сахалина японцам (док. №№ 84, 94, 104 – 110).